

Писатель Петр Вайль — в интервью «Газете»

«Довлатов хотел, чтобы над его персонажами не только смеялись, но и задумывались и всхлипывали»

Сергею Довлатову должно было исполниться 65 лет. Читателей его великое множество, и, увы, все больше людей, ничего о нем не знающих. Довлатов запечатлел Ленинград, Таллин, лагерный север застойных лет с филигранной точностью и юмором. Эта эпоха уходит все дальше. И не хватает Довлатова для описания нашего времени.

С писателем и журналистом Петром Вайлем, близко знавшим Довлатова, беседовала корреспондент «Газеты» Татьяна Невская.

Довлатов — писатель не совсем традиционный, не чистый беллетрист.

Действительно, он никогда не выдумывал. У него не было дарования истинного беллетриста, когда придумываются сюжеты, характеры, судьбы, линии жизни. Он писал всегда по фактической канве. Это странная грань между журналистикой и художественной литературой. Он по ней прошел очень элегантно и точно. Я подозреваю, что этот успех Довлатова и такая все-российская любовь к нему сыграли в русском литературном процессе странную роль. Огромное количество людей, вдохнов-

ленных успехом Довлатова, решили, что тоже так смогут. Вот сейчас напишут случаи из своей жизни, с подлинными или чуть измененными именами, как это делал Довлатов. И раз они в свое время хохотали и плакали над этими событиями, то и читатель будет. Ни черта подобного. Все эти безумно тоскливые исповеди читать удручающе скучно. Это такое трогательное непонимание того, что он занимался настоящей литературой. Он отделял не просто фразу — каждое слово. Был одним из тех редких людей, которые понимали, что не только фразы состоят из слов, но и слова из букв. А девяносто пять процентов пишущих людей даже не задумываются об этом.

Важная составляющая таланта Довлатова — мера самоограничения...

Мы говорим «писатель-стилист» — и сразу в голову приходят имена Платонова, Ремизова, Бабея. То есть нечто такое ярко окрашенное, сразу узнаваемое, резко выбивающееся из общей череды. А Довлатов в этом смысле стилем не обладал вовсе. Он у него совершенно нейтральный. У него, если вы заметили, исключительно мало экзотических слов, приглушенный неэкцентричный юмор, он совершен-

но не склонен к гиперболам. Такой минималистский лаконичный стиль.

У вас есть любимый довлатовский рассказ?

На мой взгляд, лучший его рассказ — «Представление». О том, как зеки ставят спектакль о Ленине. Там Довлатов прошел по замечательной грани смешного и трогательного. Уморительно изображенные зеки, играющие Ленина и Дзержинского. И когда они в конце все встают и поют «Интернационал», Довлатов пишет о странном чувстве, охватившем героя. Это точно поймано. Довлатов хотел, чтобы над его персонажами не только смеялись, но и задумывались и всхлипывали. Рассказ невероятной глубины. Потому что если советская власть чего-то и добила, то создала тип советского человека. И «Представление» наиболее точно это иллюстрирует.

Он дарил своим персонажам неожиданные поступки, которые и были солью рассказа.

Как Мандельштам в свое время сказал: «О какой юмористике вы говорите, и так все смешно». Довлатов был в высшей степени одарен чувством того, что все смешно.

Каким Довлатов был в Америке?

В Нью-Йорке он очень хорошо себя чувствовал. Он попал куда нужно. Во-первых, Довлатов сделался настоящим писателем — не просто писателем, про которого знают двадцать пять друзей, а с книжками, переводами, публикациями в лучшем американском литературном журнале «Нью-Йоркер», с признанием, приглашением на конференции, в пен-клубы и так далее. Во-вторых, он все-таки попал в известной мере в свою стихию. Хотя Довлатов по-английски говорил плохо, но воспитан он был американской литературой. И если на него что-то по-настоящему повлияло, то это именно американская литература. Лаконизм, минимализм, внятность, четкость, краткость — это американская школа.

Кроме литературы, которая заполняла всю его жизнь, ему нравились джаз и американское кино, те самые трофейные фильмы. И этим его знание кино почти исчерпывалось. Феллини не занимал места в его жизни.

На джаз мы вместе ходили — он мог его слушать без конца.

Были еще мелочи: он обожал блошиные рынки, бывало, ездил каждое воскресенье. Копался, покупал чудовищную чепуху. Да-

рил всем подряд. У меня до сих пор какая-то ерунда лежит, подаренная им. Выбросить рука не поднимается. А вещи совершенно бессмысленные: какие-то маленькие ботиночки неизвестно на кого, даже не на ребенка, часы какие-то, зажигалки.

Нью-Йорк — такой город, где любому очень легко найти себе нишу. Чем бы ты ни увлекался и как бы ни был странен и эксцентричен, тебе найдется место.

Каким он был на радио?

Он к этой работе относился исключительно добросовестно — до изумления. Радийные тексты он отделял почти как свои рассказы. И относился к ним очень ревниво: когда он приносил мне как редактору свои тексты, достаточно было исправить одно слово — и он перепечатывал всю страницу. Поскольку Довлатов был человеком артистичным и с замечательным красивым голосом, его радиовыступления производили сильное впечатление.

Довлатов Сергей

04.09.06.